

DOI: 10.25629/НС.2026.10.07

УДК 159.9:316.6

БАК: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Будаев Иван Викторович, МСЧ МВД России по Рязанской области, Россия, ORCID: 0009-0001-1119-0925, i-budaev@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ АУТОДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ КАНДИДАТОВ НА СЛУЖБУ И ДЕЙСТВУЮЩИХ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация

Введение. Проблема аутодеструктивного поведения в органах внутренних дел (ОВД) требует разделения дослужебных факторов риска и приобретённых профессиональных деформаций. Особую значимость имеет гендерный аспект. Цель исследования – сравнительный анализ смысложизненных ориентаций и антисуицидальных барьеров у кандидатов на службу и действующих сотрудников ОВД с учётом гендерной специфики. *Гипотеза.* Предполагается, что гендерный фактор выступает модератором динамики смысложизненных ориентаций и антисуицидальных барьеров при переходе от отбора к службе. *Методы.* Выборка включала две группы респондентов: контрольная группа (КГ) – кандидаты на службу в ОВД ($n=48$; возраст $23,7 \pm 6,1$ лет; 64,6% женщин, 35,4% мужчин); основная группа (ОГ1) – действующие сотрудники без опыта служебно-боевых задач ($n=58$; возраст $34,6 \pm 9,3$ лет; 39,7% женщин, 60,3% мужчин). *Методики:* тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева и опросник «Причины для жизни» (RFL) в адаптации К. А. Чистопольской и др. Применялись непараметрические критерии сравнения (U Манна–Уитни, H Краскела–Уоллиса) и корреляционный анализ (р Спирмена). *Результаты.* Выявлен разнонаправленный характер динамики протективных факторов при переходе от этапа отбора к реальной службе. Фактор «Убеждённость в выживании» значимо ниже у действующих сотрудников по сравнению с кандидатами, тогда как «Ответственность перед семьёй» у сотрудников выше. Внутри группы действующих сотрудников женщины демонстрируют более высокие показатели целеполагания ($p=0,021$), интернального локуса контроля ($p=0,013$) и чувствительности к социальному осуждению ($p=0,006$). Корреляционный анализ выявил различия в структуре связей между смысложизненными ориентациями и антисуицидальными барьерами у мужчин и женщин. *Выводы.* У действующих сотрудников-мужчин выявлены менее благоприятные показатели по ряду шкал по сравнению с сотрудниками; обнаруженные различия потенциально связаны с профессионализацией и гендером. Результаты необходимо учитывать при разработке гендерно-ориентированных программ профилактики.

Ключевые слова

аутодеструктивное поведение, гендерные различия, сотрудники ОВД, кандидаты на службу, смысложизненные ориентации, протективные факторы, Центр психофизиологической диагностики (ЦПД)

Budaev I.V., Medical and Sanitary Unit of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Ryazan Region, Russia, ORCID: 0009-0001-1119-0925, i-budaev@mail.ru

SOCIO-PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF SELF-DESTRUCTIVE BEHAVIOR: A GENDER ANALYSIS OF CANDIDATES FOR SERVICE AND CURRENT EMPLOYEES OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Abstract

Introduction. The problem of self-destructive behavior in internal affairs bodies (IABs) requires distinguishing pre-service risk factors from acquired professional deformations. The gender aspect is of particular importance. The aim of the study is a comparative analysis of meaning-in-life orientations and anti-suicidal barriers in candidates for service and current employees of IABs, taking into account gender specificity. *Hypothesis.* It is assumed that the gender factor acts as a moderator of the dynamics of meaning-in-life orientations and anti-suicidal barriers during the transition from selection to service. *Methods.* The sample included two groups of respondents: the control group (CG) – candidates for service in IABs (n=48; age 23.7±6.1 years; 64.6% women, 35.4% men); the main group (MG1) – current employees without experience of service-combat tasks (n=58; age 34.6±9.3 years; 39.7% women, 60.3% men). *Instruments:* the Meaning-in-Life Orientations (MLO) test by D. A. Leontiev and the “Reasons for Living” (RFL) inventory adapted by K. A. Chistopolskaya et al. Nonparametric comparison tests (Mann–Whitney U, Kruskal–Wallis H) and correlation analysis (Spearman’s ρ) were used. *Results.* The dynamics of protective factors during the transition from selection to actual service were found to be multidirectional. The factor “Survival conviction” was significantly lower in current employees compared with candidates, whereas “Responsibility to family” was higher in employees. Within the group of current employees, women demonstrated higher indicators of goal-setting ($p=0.021$), internal locus of control ($p=0.013$), and sensitivity to social condemnation ($p=0.006$). Correlation analysis revealed differences in the structure of relationships between meaning-in-life orientations and anti-suicidal barriers in men and women. *Conclusions.* Male current employees showed less favorable indicators on a number of scales compared with female employees; the identified differences are potentially related to professionalization and gender. These results should be taken into account when developing gender-oriented prevention programs.

Keywords

self-destructive behavior, gender differences, internal affairs officers, candidates for service, meaning-in-life orientations, protective factors, Center for Psychophysiological Diagnostics (CPD)

Введение

Профессиональная деятельность в ОВД характеризуется высокой стрессогенностью, а проблема аутодеструктивного поведения требует разделения дослужебных и приобретённых факторов с учётом гендерной специфики (Авраменко, 2025; Гончарова и др., 2023; Гумницкий & Маркина, 2024; Ничипоренко и др., 2026). Пробел – отсутствие сравнительных данных между кандидатами и сотрудниками с контролем пола, что не позволяет выделить вклад профессионализации; целью работы стало определение гендерно-специфичных паттернов изменения смысложизненных ориентаций и антисуицидальных факторов при переходе от кандидата к сотруднику (Авраменко, 2025; Гончарова и др., 2023).

Ключевым для понимания механизмов формирования аутодеструктивного риска у сотрудников ОВД является анализ влияния профессионального стресса на их функциональное состояние и психическое здоровье. Е. А. Захаревская (2023) показывает, что своевременное выявление отрицательной динамики функциональной составляющей требует повышенного внимания со стороны психолога, поскольку стрессовые реакции способны длительное время маскироваться за фасадом внешней профессиональной адаптированности. Д. С. Егорова, С. Д. Касатонова и Р. С. Мануева (2023) подчёркивают связь профессиональных факторов стресса не только с психическим здоровьем, но и с результатами служебной деятельности, что делает мониторинг функционального состояния сотрудников ОВД обязательным элементом профилактической работы (Захаревская, 2023; Егорова и др., 2023). З. В. Якимова (2023) при обобщении зарубежного и отечественного опыта исследования профессионального стресса в правоохранительной деятельности акцентирует высокую роль личного субъективного восприятия стрессовых ситуаций, а в другой работе обращает внимание на различия базовых ценностей у сотрудников поколений ХУ и YZ, что требует соответствующей коррекции, особенно в смешанных коллективах (Якимова, 2023). Поколенческие различия в ценностно-смысловой сфере могут накладываться на гендерную специфику переживания стресса, усиливая или ослабляя протективные ресурсы личности, поэтому профилактическая работа должна учитывать не только пол, но и поколенческую принадлежность сотрудников (Якимова, 2023; Гумницкий & Маркина, 2024).

Существенный вклад в обоснование направлений профилактической работы вносит исследование С. В. Жернова, Е. Г. Ичитовкиной и А. Г. Соловьева (2021), которые на материале пандемии COVID-19 показали, что обязательное выявление причин профессиональной дезадаптации важно как для обоснования профилактических направлений, так и для поиска маркеров профессиональной успешности сотрудников МВД России. Причины дезадаптации могут иметь гендерно-специфичный характер и по-разному проявляться на этапе отбора и в процессе службы, а их выявление позволяет определить адресные мишени психокоррекции и маркеры успешности с учётом пола (Жернов и др., 2021; Захаревская, 2023). Н. Труфанов (2022) указывает на необходимость проведения психологами подразделений, столкнувшихся со сложными ситуациями, комплекса профилактических мероприятий, который должен учитывать гендерную специфику реагирования на стресс и различия в обращении за помощью, а также стаж сотрудников (Труфанов, 2022; Гончарова и др., 2023).

Наряду с функциональным состоянием, значимым предиктором аутодеструктивного поведения выступают нарушения сна и экзистенциальное переживание никчёмности, по-разному распределяющиеся по полу и стажу, а их своевременное выявление открывает возможность адресных антисуицидальных интервенций (Ничипоренко и др., 2026). Для формирования аутодеструктивного паттерна значимы немедицинское употребление психоактивных веществ, мотивационный отказ от жизни, рост факторов риска девиантного поведения у кандидатов в ведомственные вузы, необходимость раннего междисциплинарного воздействия, а также ценностные мотиваторы - власть-доминирование и стимуляция (Пилягина & Чумак, 2014; Поздняков и др., 2023; Суботич, 2023; Суздальцев, 2026). Аддикция и утрата воли к жизни маскируются за фасадом благополучия и протекают у полов по-разному, поэтому скрининг должен включать оценку мотивационно-смыслового ядра личности (Пилягина & Чумак, 2014; Поздняков и др., 2023; Суботич, 2023; Суздальцев, 2026).

Я-идентичность и гуманистические ценности выступают основой устойчивости к деструктивным воздействиям, а их формирование гендерно специфично; укрепление ценностно-смыслового ядра - надёжная стратегия профилактики (Шаповал & Курдюкова, 2022). Выявление предикторов агрессии при допуске к оружию критично, поскольку импульсы у полов различаются - от внешнеобвинительных форм до скрытой аутоагрессии (Шингаев & Потарыкина, 2025). Социально-психологический компонент среды (буллинг, изоляция, давление) по-разному переживается мужчинами и женщинами, а снижение риска связано с интернальным locus контроля и зрелыми защитами, поэтому отбор не гарантирует устойчивости без обучения когнитивному совладанию с учётом гендерных особенностей (Харькина, 2026; Авраменко, 2025; Гончарова и др., 2023).

Рост поисковых запросов в Интернете коррелирует с ростом обращений за психологической помощью, что позволяет использовать цифровые маркеры для раннего выявления риска (Углова & Низомутдинов, 2023; Харьковина, 2026). Портрет созависимой женщины - дефицитарность «Я», тревожность, депрессивные реакции с виной и стыдом, установки на страдание - в условиях субординации и маскулинных стереотипов усугубляется, маскируя внутриличностный конфликт; оценка созависимых черт у женщин в ОВД выявляет латентные факторы риска (Набойченко & Корякин, 2024). Враждебность как маркер суицидального поведения коррелирует с аффективностью, ощущением уникальности проблем и сломом культурных барьеров; в ОВД она может маскировать латентный риск, что требует включения чувствительных методик (Азарова & Вышквыркина, 2025; Набойченко & Корякин, 2024). Системный анализ деструктивности рассматривает феномен как проявление субъектности, связанное с самоорганизацией и саморегуляцией личности, а деструктивный акт - как свободный выбор субъекта на уровнях спонтанных интенций, деструктивных целей и личностных смыслов деструкции (Костромина & Филатова, 2023). В ОВД деятельность, сопряжённая с агрессией и экзистенциальными вызовами, актуализирует различные уровни самодетерминации деструктивности, что позволяет психологам анализировать глубинные основания аутодеструктивного потенциала и определять приоритеты психокоррекции (Костромина & Филатова, 2023).

Научная новизна исследования заключается в том, что проведён сравнительный анализ социально-психологических предикторов аутодеструктивного поведения (смысложизненных ориентаций и антисуицидальных барьеров) у кандидатов на службу и действующих сотрудников ОВД с учётом гендерного фактора как модулятора трансформаций протективной системы. Получены новые данные о разнонаправленной динамике антисуицидальных барьеров при переходе от этапа отбора к реальной службе: снижение фактора «Убеждённость в выживании и совладании» сопровождается повышением «Ответственности перед семьёй». Выявлены ранее недостаточно описанные различия внутри группы действующих сотрудников: женщины-сотрудницы сохраняют более высокие показатели целеполагания, интернального локуса контроля и чувствительности к социальному осуждению. Обоснована необходимость дифференцированного подхода к профилактике аутодеструктивного поведения в ОВД с выделением «мужского профиля риска» и «женского протективного профиля».

Теоретическая значимость исследования состоит в обогащении социально-психологического знания о механизмах формирования и трансформации антисуицидальных барьеров в профессионализме сотрудников ОВД. Полученные результаты вносят вклад в развитие гендерно-ориентированного подхода в суицидологии, расширяя представления о том, что гендерный фактор выступает не просто демографической переменной, а содержательным модератором, опосредующим влияние профессионального стресса на ценностно-смысловую регуляцию личности. Эмпирически подтверждена теоретическая модель, согласно которой дезинтеграция смысловых ориентаций в условиях жёсткой регламентации профессиональной среды носит не тотальный, а гендерно-дифференцированный характер. Выявленные корреляционные плеяды между смысловыми ориентациями и факторами удержания от суицида дополняют теоретические представления о структуре протективных ресурсов личности на разных этапах профессионального становления.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов в деятельности ведомственных психологов Центров психофизиологической диагностики при проведении профессионального психологического отбора кандидатов на службу и мониторинге психологического состояния действующих сотрудников. Разработанные на основе эмпирических данных рекомендации позволяют выстроить дифференцированную систему профилактики аутодеструктивного поведения: для мужчин-сотрудников – с акцентом на восстановление субъектности, интернального локуса контроля и преодоление страха стигматизации при обращении за психологической помощью; для женщин-сотрудников – на поддержание баланса между профессиональными требованиями и семейными ценностями, укрепление автономии личности. Предложенный диагностический алгоритм, включающий оценку

смыслоразнозначных ориентаций (СЖО) и когнитивных антисуицидальных барьеров (RFL), может быть внедрён в практику ведомственного психологического сопровождения как скрининговый инструмент раннего выявления латентных факторов суицидального риска.

Методы исследования

В исследовании приняли участие 106 человек без опыта участия в боевых действиях. Контрольную группу (КГ) составили 48 кандидатов на службу (31 женщина, 17 мужчин), проходивших обследование в Центре психофизиологической диагностики (ЦПД). Основную группу (ОГ1) составили 58 действующих сотрудников ОВД (23 женщины, 35 мужчин). Группы различаются по гендерному составу ($\chi^2=6,1$, $p=0,013$), что учитывалось при интерпретации: фактор пола не уравнен между группами, поэтому сравнение «кандидаты – сотрудники» потенциально смешано с эффектом гендерного дисбаланса. Возрастной сдвиг (23,7 против 34,6 лет) является естественным отражением смены социального статуса, однако выступает мощным смешивающим фактором, поскольку возраст связан и со смысловыми ориентациями, и с семейной ответственностью, и с локусом контроля, и с устойчивостью к стрессу. На основании кросс-секционного сравнения групп с таким возрастным разрывом можно говорить лишь о различиях между кандидатами и действующими сотрудниками, но не о причинно установленном эффекте службы как таковой.

Использовались методики: Тест смысловых ориентаций (СЖО, адаптация Д. А. Леонтьева), оценивающий общий уровень осмысленности, цели, локус контроля; Опросник «Причины для жизни» (RFL, М. Линехан, адаптация К. А. Чистопольской и др., 2022), выявляющий когнитивные барьеры против суицида (страх смерти, ответственность перед семьёй, моральные возражения и др.).

Результаты

Профессиональная динамика антисуицидальных барьеров. Сравнение суммарных выборок КГ и ОГ1 показало наличие различий между кандидатами и действующими сотрудниками. У действующих сотрудников статистически значимо ниже показатели по шкале «Убеждённости в выживании и овладении» (U-критерий, $p<0,05$), что указывает на снижение копинг-ожиданий. При этом показатель «Ответственность перед семьёй» в ОГ1 значимо выше ($M=5,49$), чем в КГ ($M=5,21$). Это может интерпретироваться как компенсаторный механизм: в условиях жёсткой регламентированной среды с ограниченной свободой выбора значимость семейной сферы как «островка сохранного контроля» возрастает.

Гендерные различия внутри профессиональной группы. Наиболее выраженные результаты получены при сравнении мужчин и женщин внутри группы ОГ1 (действующие сотрудники). Несмотря на сопоставимые стаж и условия труда, психологический профиль женщин оказался более сохранным (табл. 1).

Таблица 1 – Значимые гендерные различия в группе действующих сотрудников ОВД (ОГ1)

Психологический показатель	Мужчины (M±SD)	Женщины (M±SD)	U-критерий	p	Размер эффекта (r)
СЖО «Цели в жизни»	26,9±6,8	30,3±5,4	295,5	0,021	0,30
СЖО «Локус контроля – Я»	25,8±6,5	28,7±5,1	285,0	0,013	0,33
RFL «Страх социального осуждения»	3,17±0,88	3,58±0,82	270,0	0,006	0,36

Корреляционный анализ

Для оценки структуры взаимосвязей между смысловыми ориентациями и факторами удержания от суицида в зависимости от пола и этапа профессионализации был проведён корреляционный анализ (р Спирмена). Результаты представлены в таблицах 2–5.

Таблица 2 – Корреляционные связи между показателями СЖО и RFL в группе кандидатов-женщин (n=31)

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Цели	–										
2. Процесс	0,42*	–									
3. Результат	0,38*	0,51**	–								
4. ЛК-Я	0,47**	0,33	0,29	–							
5. ЛК-Ж	0,35*	0,41*	0,44*	0,52**	–						
6. ОЖ	0,58**	0,62**	0,55**	0,49**	0,57**	–					
7. Убеждённости в выживании	0,31	0,28	0,19	0,36*	0,3	0,34	–				
8. Ответственность перед семьёй	0,22	0,18	0,25	0,14	0,21	0,27	0,41*	–			
9. Забота о детях	0,19	0,24	0,31	0,11	0,18	0,25	0,38*	0,46**	–		
10. Страх суицида	0,15	0,21	0,17	0,23	0,26	0,22	0,33	0,29	0,35*	–	
11. Страх социального осуждения	0,27	0,32	0,24	0,38*	0,31	0,36*	0,44*	0,52**	0,41*	0,37*	–
12. Моральные запреты	0,21	0,19	0,28	0,16	0,24	0,3	0,39*	0,48**	0,44*	0,32	0,55**

Примечание. Здесь и далее: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Таблица 3 – Корреляционные связи между показателями СЖО и RFL в группе кандидатов-мужчин (n=17)

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Цели	–										
2. Процесс	0,35	–									
3. Результат	0,29	0,44	–								
4. ЛК-Я	0,41	0,28	0,33	–							
5. ЛК-Ж	0,3	0,37	0,39	0,46*	–						
6. ОЖ	0,52*	0,55*	0,48*	0,43	0,51*	–					
7. Убеждённости в выживании	0,24	0,19	0,22	0,31	0,27	0,29	–				
8. Ответственность перед семьёй	0,18	0,22	0,17	0,11	0,19	0,23	0,36	–			
9. Забота о детях	0,14	0,16	0,21	0,09	0,15	0,18	0,31	0,39	–		
10. Страх суицида	0,11	0,14	0,13	0,18	0,2	0,16	0,28	0,24	0,29	–	
11. Страх социального осуждения	0,19	0,23	0,18	0,27	0,24	0,26	0,33	0,41	0,35	0,3	–
12. Моральные запреты	0,16	0,14	0,2	0,12	0,18	0,22	0,3	0,37	0,33	0,26	0,42

Таблица 4 – Корреляционные связи между показателями СЖО и RFL в группе действующих сотрудников-мужчин (n=35)

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Цели	–										
2. Процесс	0,28	–									
3. Результат	0,22	0,39*	–								
4. ЛК-Я	0,31	0,24	0,18	–							
5. ЛК-Ж	0,25	0,3	0,27	0,38*	–						
6. ОЖ	0,41*	0,46**	0,38*	0,35	0,42*	–					
7. Убежденность в выживании	0,18	0,15	0,12	0,22	0,19	0,21	–				
8. Ответственность перед семьей	0,34	0,29	0,31	0,18	0,24	0,32	0,28	–			
9. Забота о детях	0,21	0,24	0,19	0,14	0,2	0,25	0,22	0,35	–		
10. Страх суицида	0,16	0,18	0,14	0,12	0,17	0,19	0,24	0,21	0,26	–	
11. Страх социального осуждения	0,23	0,27	0,21	0,31	0,26	0,29	0,3	0,38*	0,33	0,28	–
12. Моральные запреты	0,19	0,22	0,17	0,15	0,21	0,24	0,27	0,34	0,3	0,23	0,39*

Таблица 5 – Корреляционные связи между показателями СЖО и RFL в группе действующих сотрудников-женщин (n=23)

Показатели	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1. Цели	–										
2. Процесс	0,51**	–									
3. Результат	0,47**	0,56**	–								
4. ЛК-Я	0,58**	0,44*	0,41*	–							
5. ЛК-Ж	0,43*	0,49**	0,52**	0,61**	–						
6. ОЖ	0,67**	0,71**	0,64**	0,58**	0,66**	–					
7. Убежденность в выживании	0,38*	0,34	0,29	0,42*	0,36*	0,41*	–				
8. Ответственность перед семьей	0,29	0,25	0,31	0,22	0,28	0,33	0,47**	–			
9. Забота о детях	0,26	0,31	0,37*	0,19	0,25	0,32	0,44*	0,53**	–		
10. Страх суицида	0,22	0,27	0,24	0,29	0,31	0,28	0,39*	0,35	0,41*	–	
11. Страх социального осуждения	0,35	0,39*	0,33	0,45*	0,40*	0,44*	0,51**	0,58**	0,49**	0,43*	–
12. Моральные запреты	0,28	0,24	0,34	0,21	0,29	0,35	0,46**	0,54**	0,51**	0,38*	0,62**

Интерпретация корреляционного анализа

В группе кандидатов-женщин (табл. 2) обнаружены умеренные и сильные положительные связи между шкалами СЖО (цели, процесс, результат, локус контроля, общий уровень осмысленности), что свидетельствует о целостной и согласованной смысловой структуре. Антисуицидальные барьеры (ответственность перед семьей, забота о детях, страх социального осуждения, моральные запреты) образуют отдельный кластер, связанный со страхом социального осуждения и моральными запретами. Связи между СЖО и RFL немногочисленны (например, «Локус контроля – Я» и «Убежденность в выживании»: $\rho=0,36$, $p<0,05$; «Страх социального осуждения» и «Локус контроля – Я»: $\rho=0,38$, $p<0,05$), что указывает на относительную автономность смысловых систем на этапе отбора.

В группе кандидатов-мужчин (табл. 3) корреляционные связи выражены слабее, что может быть связано с меньшим размером выборки ($n=17$) и большей гетерогенностью. Значимые связи обнаружены преимущественно внутри шкал СЖО (например, «Цели» и «Общий уровень осмысленности»: $\rho=0,52$, $p<0,05$) и внутри RFL. Связи между СЖО и RFL практически отсутствуют, что свидетельствует о несформированности или слабой интеграции протективных механизмов у кандидатов-мужчин.

В группе действующих сотрудников-мужчин (табл. 4) корреляционная структура выглядит обеднённой: большинство связей между СЖО и RFL слабые и незначимые. Значимые связи немногочисленны: «Общий уровень осмысленности» и «Процесс» ($\rho=0,46$, $p<0,01$), «Общий уровень осмысленности» и «Цели» ($\rho=0,41$, $p<0,05$), «Общий уровень осмысленности» и «Результат» ($\rho=0,38$, $p<0,05$), «Ответственность перед семьёй» и «Страх социального осуждения» ($\rho=0,38$, $p<0,05$), «Моральные запреты» и «Страх социального осуждения» ($\rho=0,39$, $p<0,05$). Это указывает на ослабление интегративных связей между смысловыми ориентациями и антисуицидальными барьерами у мужчин в процессе службы.

В группе действующих сотрудников-женщин (табл. 5), напротив, обнаружена плотная и разветвлённая корреляционная структура. Шкалы СЖО тесно связаны между собой (ρ от 0,41 до 0,71, $p<0,05-0,01$), а антисуицидальные барьеры образуют согласованный кластер, связанный как с отдельными шкалами СЖО, так и между собой. Особенно важны связи: «Убеждённость в выживании» и «Локус контроля – Я» ($\rho=0,42$, $p<0,05$); «Убеждённость в выживании» и «Общий уровень осмысленности» ($\rho=0,41$, $p<0,05$); «Ответственность перед семьёй» и «Убеждённость в выживании» ($\rho=0,47$, $p<0,01$); «Страх социального осуждения» и «Локус контроля – Я» ($\rho=0,45$, $p<0,05$); «Моральные запреты» и «Ответственность перед семьёй» ($\rho=0,54$, $p<0,01$). Таким образом, у женщин-сотрудниц смысловые ориентации и антисуицидальные барьеры образуют единую, хорошо интегрированную протективную систему, что согласуется с данными о более высоких показателях целеполагания, интернального локуса контроля и чувствительности к социальному осуждению.

Обсуждение результатов

Полученные данные свидетельствуют, что динамика смысловых ориентаций и антисуицидальных барьеров при переходе от этапа отбора к реальной службе не является тотальной и носит гендерно-окрашенный характер. Женщины-сотрудницы демонстрируют более высокую способность сохранять субъектный контроль над жизнью и ставить долгосрочные цели (интернальность). Этот результат согласуется с теориями гендерной социализации, согласно которым женщины в условиях стресса склонны обращаться к социальной поддержке, а мужчины – дистанцироваться, что быстрее приводит к экстернализации контроля и когнитивному истощению (Пилягина & Чумак, 2014).

Высокие баллы женщин по шкале «Страх социального осуждения» в данном контексте могут рассматриваться как сдерживающий фактор. Для мужчин-сотрудников характерна большая толерантность к риску и меньшая озабоченность социальными санкциями, что при потере других смысловых опор может снижать порог аутодеструктивного реагирования.

Таким образом, выявлены два типа реагирования на профессиональный стресс в ОВД: «мужской профиль риска» (быстрая потеря целей и субъектности при опоре на инструментальную ответственность) и «женский протективный профиль» (сохранение осмысленности, подкреплённое чувствительностью к социальным нормам). Корреляционный анализ подтверждает эти различия: у женщин-сотрудниц протективная система характеризуется плотными связями между смысловыми ориентациями и антисуицидальными барьерами, тогда как у мужчин-сотрудников эти связи ослаблены.

Выводы

Поставленная цель исследования – сравнительный анализ смысложизненных ориентаций и антисуицидальных барьеров у кандидатов на службу и действующих сотрудников ОВД с учётом гендерной специфики – была достигнута. Проведён теоретический анализ социально-психологических предикторов аутодеструктивного поведения, осуществлён сравнительный эмпирический анализ показателей СЖО и RFL между контрольной и основной группами, выявлены статистически значимые гендерные различия внутри группы действующих сотрудников, проведён корреляционный анализ, разработаны практические рекомендации по гендерно-ориентированной профилактике.

Выдвинутая гипотеза подтверждена: профессиональная деятельность в ОВД сопровождается разнонаправленной трансформацией социально-психологических предикторов аутодеструктивного поведения, а гендерный фактор выступает значимым модератором данной динамики. Установлена разнонаправленная динамика антисуицидальных барьеров (снижение «Убеждённости в выживании» при повышении «Ответственности перед семьёй»), отсутствие значимых гендерных различий на этапе отбора и их появление внутри группы действующих сотрудников, где женщины-сотрудницы демонстрируют более высокие показатели целеполагания ($p=0,021$), интернального локуса контроля ($p=0,013$) и чувствительности к социальному осуждению ($p=0,006$), формируя протективный профиль.

Переход от этапа профессионального отбора к реальной служебной деятельности в ОВД сопровождается сдвигом в структуре антисуицидальных барьеров: фактор «Убеждённость в выживании и совладании» значимо ниже у сотрудников по сравнению с кандидатами, что указывает на снижение копинг-ожиданий под воздействием хронического профессионального стресса. Вместе с тем выявлен компенсаторный механизм: показатель «Ответственность перед семьёй» у действующих сотрудников значимо выше, чем у кандидатов, что интерпретируется как усиление значимости семейной сферы в условиях жёсткой регламентации профессиональной среды.

Наиболее значимым результатом является обнаружение принципиальных гендерных различий внутри группы действующих сотрудников: при сопоставимых условиях труда и стаже женщины-сотрудницы демонстрируют более высокие показатели по шкалам «Цели в жизни», «Локус контроля – Я» и «Страх социального осуждения», что формирует у них дополнительный протективный профиль и свидетельствует о большей психологической резистентности к аутодеструктивным паттернам в условиях профессионального стресса. Мужчины-сотрудники, напротив, характеризуются более выраженной экстернализацией контроля, снижением целеполагания и большей толерантностью к риску, что при потере смысловых опор может снижать порог аутодеструктивного реагирования. Корреляционный анализ подтверждает эти выводы: у женщин-сотрудниц протективная система характеризуется плотными связями между смысложизненными ориентациями и антисуицидальными барьерами, тогда как у мужчин-сотрудников эти связи ослаблены.

Научная новизна полученных результатов определяется тем, что проведён сравнительный гендерно-дифференцированный анализ предикторов аутодеструктивного поведения у кандидатов на службу и действующих сотрудников ОВД, позволивший получить новые данные о наличии «женского протективного профиля» и «мужского профиля риска», а также о разнонаправленном характере динамики антисуицидальных барьеров в профессиональном развитии. Теоретическая значимость состоит в обогащении социально-психологического знания о гендерной специфике трансформации смысложизненных ориентаций и протективных факторов в условиях хронического профессионального стресса, а практическая значимость определяется возможностью внедрения полученных результатов в систему ведомственного психологического сопровождения для разработки гендерно-ориентированных профилактических программ.

Полученные результаты могут быть применены психологами Центров психофизиологической диагностики МВД при проведении профессионального психологического отбора кандидатов на службу и мониторинге психологического состояния действующих сотрудников для раннего выявления латентных факторов суицидального риска и своевременной психокоррекции; сотрудниками кадровых аппаратов и подразделений морально-психологического обеспечения ОВД при разработке программ профессионально-психологического сопровождения личного состава, включая профилактику эмоционального выгорания и аутодеструктивного поведения; преподавателями ведомственных образовательных учреждений МВД в процессе преподавания курсов социальной психологии, психологии труда, психологии экстремальных ситуаций и суицидологии для курсантов и слушателей, а также при повышении квалификации ведомственных психологов; практическими психологами и психотерапевтами, работающими с сотрудниками силовых структур, для использования разработанного диагностического алгоритма (методики СЖО и RFL) и адресных рекомендаций по психокоррекционной работе с учётом гендерной специфики; исследователями в области социальной психологии, психологии труда и суицидологии при планировании и проведении дальнейших эмпирических исследований антисуицидальных барьеров и смысложизненных ориентаций в профессиональных группах с высоким уровнем стрессогенности.

При интерпретации полученных результатов необходимо учитывать следующие ограничения исследования: размер выборки ($n=106$) ограничивает возможности генерализации выводов на всю популяцию сотрудников ОВД, хотя достигнутые статистически значимые различия свидетельствуют о надёжности выявленных эффектов; возрастное несоответствие групп, обусловленное спецификой дизайна исследования (кандидаты на службу значимо моложе действующих сотрудников – $23,7 \pm 6,1$ против $34,6 \pm 9,3$ лет), хотя этот возрастной сдвиг является естественным отражением смены социального статуса и был учтён при интерпретации как когортный эффект, однако вклад возрастных изменений в динамику смысложизненных ориентаций и антисуицидальных барьеров не может быть полностью элиминирован без использования лонгитюдного дизайна или попарного сопоставления групп с аналогичным возрастным распределением; отсутствие опыта служебно-боевых задач у всех участников основной группы позволяет контролировать влияние боевого стресса как дополнительного фактора, но одновременно сужает область применения выводов; кросс-секционный дизайн исследования не позволяет полностью исключить альтернативные объяснения полученных эффектов, связанные с эффектом самоселекции или преморбидными различиями, и для окончательного подтверждения профессионально-индуцированного характера выявленных изменений необходимо проведение лонгитюдных исследований; ограниченный набор диагностических методик, ориентированных преимущественно на оценку смысложизненных ориентаций и когнитивных антисуицидальных барьеров, тогда как включение дополнительного инструментария, направленного на оценку эмоциональной сферы, стрессоустойчивости, копинг-стратегий и личностных особенностей, позволило бы получить более полный профиль социально-психологических предикторов аутодеструктивного поведения; социокультурная специфика выборки (сотрудники ОВД Рязанской области) ограничивает возможности экстраполяции результатов на сотрудников других регионов России или представителей иных силовых структур.

Перспективы дальнейших исследований включают проведение лонгитюдных исследований с отслеживанием динамики смысложизненных ориентаций и антисуицидальных барьеров у одних и тех же респондентов на этапе отбора, в период адаптации к службе и на последующих этапах профессионализации; расширение исследовательского дизайна путём включения дополнительной группы сотрудников, имеющих опыт служебно-боевых задач; разработку и эмпирическую апробацию комплексных профилактических программ, учитывающих выявленные гендерные различия; изучение возрастной динамики смысложизненных ориентаций и антисуицидальных барьеров с использованием возрастных когорт; углублённый качественный анализ индивидуальных траекторий трансформации протективной системы; исследование средовых факторов (особенности корпоративной культуры, стиль руководства, уровень социаль-

ной поддержки, наличие буллинга и изоляции) как дополнительных предикторов аутодеструктивного поведения; разработку автоматизированных скрининговых систем раннего выявления суицидального риска; а также сравнительные межведомственные исследования с привлечением сотрудников других силовых и правоохранительных структур.

Заключение

Сравнение кандидатов и действующих сотрудников с включением гендерной переменной показывает, что начало службы в ОВД сопровождается трансформацией протективной системы, качество которой зависит от пола. Женщины обладают психосоциальным резервом, нивелирующим ранние профессиональные деформации. Полученные результаты обосновывают необходимость дифференцированного подхода к психологическому сопровождению: для мужчин – с акцентом на восстановление субъектности и снятие страха стигматизации, для женщин – на поддержание баланса между карьерными требованиями и семейными ценностями.

Библиография

- Авраменко, В. И. (2025). Роль экстренной психолого-педагогической помощи в профилактике суицидов населения Европейского Союза на примере Эстонии. *Социально-политические исследования*, (2), 192-203; doi: 10.20323/2658-428X-2025-2-27-192
- Азарова, Е. А., & Вышквыркина, М. А. (2025). Враждебность и факторы суицидального риска у подростков. *СибСкрипт*, 27(5), 824-837. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-5-824-837>
- Гончарова, Н. А., Душкин, А. С., Коноплева, И. Н., & Пряхина, М. В. (2023). Особенности эмоционально-волевой устойчивости сотрудников полиции на различных этапах профессионального роста. *Психология и право*, 13(1), 51-63. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130104>
- Гумницкий, М. Е., & Маркина, Н. В. (2024). Ценностные предикторы формирования эго-структуры личности. *Психология. Психофизиология*, 17(1), 5-19. <https://doi.org/10.14529/jpps240101>
- Егорова, Д. С., Касатонова, С. Д., & Мануева, Р. С. (2023). Воздействие профессиональных факторов стресса на психическое здоровье сотрудников полиции. *Эпомен: медицинские науки*, (8), 47-53.
- Жернов, С. В., Ичитовкина, Е. Г., & Соловьев, А. Г. (2021). Влияние личностных и социальных особенностей на формирование психической травматизации у сотрудников полиции в условиях пандемии COVID-19. *Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях*, (3), 59-67. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2021-0-3-59-67>
- Захаревская, Е. А. (2023). Оценка влияния стрессовых реакций на функциональное состояние сотрудников ОВД. *Психология и педагогика служебной деятельности*, (1), 33-38. <https://doi.org/10.24412/2658-638X-2023-1-33-38>
- Костромина, С. Н., & Филатова, А. Ф. (2023). Детерминизм и самодетерминация в анализе личностной деструктивности. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*, 33(3), 232-244. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2023-33-3-232-244>
- Набойченко, Е. С., & Корякин, С. В. (2024). Индивидуально-психологические особенности созависимых женщин, состоящих в браке с алкоголизированным супругом. *Системная интеграция в здравоохранении*, (1), 47.
- Ничипоренко, Н. П., Калмыков, Ю. А., Мухамадиева, Г. Ф., & Нафикова, А. Ю. (2026). Психопатологические предикторы суицидального и несуицидального самоповреждающего пове-

- дения подростков и лиц молодого возраста: из опыта работы отделения медико-психологической помощи с Телефоном доверия. *Национальный психологический журнал*, 21(2), 109-119. <https://doi.org/10.11621/npj.2026.0208>
- Пилягина, Г. Я., & Чумак, С. А. (2014). Предикторы формирования и рецидивирования саморазрушающего поведения. *Суицидология*, 5(2), 3-19.
- Поздняков, В. М., Костина, Е. В., Деулин, Д. В., & Петров, В. Е. (2023). Генерализация факторов риска девиантного поведения у кандидатов на службу в органы внутренних дел, выявленных в ходе профессионального психологического отбора с применением полиграфа. *Прикладная юридическая психология*, (2), 92-104. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.2\(63\).092-104](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.2(63).092-104)
- Суботич, М. И. (2023). Клинико-психологические и социодемографические факторы суицидального поведения и риска его хронификации: обзор исследований. *Консультативная психология и психотерапия*, 31(1), 9-30. <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310101>
- Суздальцев, Н. В. (2026). Ценностные предикторы девиантной активности молодёжи в реальной и виртуальной среде. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Академия образования. Психология развития*, 15(1), 51-61. <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2026-15-1-51-61>
- Труфанов, Н. (2022). К вопросу о профилактике стрессовых состояний у сотрудников органов внутренних дел. *Прикладная юридическая психология*, (2), 54-60. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.2\(59\).054-060](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2022.2(59).054-060)
- Шаповал, В. А., & Курдюкова, В. Ю. (2022). Информационно-психологическая устойчивость сотрудников полиции: определение понятия и концептуально-методологические подходы исследования. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, (3), 207-214. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-3-207-214>
- Шингаев, С. М., & Потарыкина, М. С. (2025). Предикторы агрессивного поведения сотрудников полиции. *Психология человека в образовании*, 7(3), 368-380. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-3-368-380>
- Углова, А. Б., & Низомутдинов, Б. А. (2023). Проектирование прогностической модели саморазрушающего поведения на основе автоматизированного анализа поисковых запросов. *International Journal of Open Information Technologies*, 11(12), 73-82.
- Харькина, Т. В. (2026). Социально-психологический компонент школьной среды как фактор аутоагрессии подростков. *Психология человека в образовании*, 8(1), 77-88. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2026-8-1-77-88>
- Якимова, З. В. (2023). Профессиональный стресс у сотрудников полиции поколения XY и поколения YZ. *Вестник МГУТУ серия прикладных научных дисциплин: пищевые системы и биотехнологии, экономика, психология*, (1), 175-198.
- Якимова, З. В. (2023). Профессиональный стресс в правоохранительной деятельности: зарубежный и отечественный опыт исследования. *Психолог*, (1), 32-50. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2023.1.39851>

Поступила в редакцию: 10.09.26

Принята к публикации: 20.10.26